

ОБОЙДЕМСЯ БЕЗ МИССИИ. ПОЧЕМУ ПОСТСОВЕТСКАЯ НОМЕНКЛАТУРА НЕ МОЖЕТ ВЫРАБОТАТЬ НАЦИОНАЛЬНУЮ ИДЕОЛОГИЮ?

Леонид Гершевич Фишман,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
lfishman@yandex.ru

Получена 24.04.2023.

Поступила после рецензирования 24.05.2023.

Принята к публикации 07.06.2023.

Для цитирования: Фишман Л.Г. Обойдемся без миссии. Почему постсоветская номенклатура не может выработать национальную идеологию? // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 2. С. 52–67. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_2_52

Аннотация

В статье рассматривается вопрос, почему в России на протяжении последних лет так и не сложилось ни национальной идеологии, ни хотя бы ясной в плане общезначимых ценностей идейной определенности исторической субъектности, несмотря на имеющиеся для этого предпосылки внутреннего и внешнего характера. Обосновано, что обретение исторической субъектности в первую очередь зависит от природы правящих классов. Показано, что современный российский правящий класс, сочетая черты бюрократии, буржуазии и советской номенклатуры, в силу своего происхождения изначально ориентирован на подражание заимствованным извне канонам и эталонам в самых разных областях общественной жизни, культуры, технологий и т. д. Творчество в сфере идеологии для него, как и для большинства национальных правящих классов эпохи Модерна, является скорее исключением, чем правилом. Этому способствует и объективное качественное сближение правя-

© Фишман Л.Г., 2023

щих элит всего мира, вызванное процессами модернизации и глобализации. Также, в силу доминирования в советском и постсоветском обществе этики добродетели, правящему классу и гражданскому обществу более понятен язык ценностей, чем идеологии. Поэтому для нынешнего поколения российской правящей элиты не стоит вопрос о выдвижении какой-то принципиальной альтернативы западным идеологемам. Его бунт против глобального порядка в идейном плане не менее вторичен, чем цветные революции. В этих условиях для российского правящего класса естественна выжидательная позиция, пока новый мировой порядок, в который можно вписаться, не сложится естественным образом.

Ключевые слова:

идеология, ценности, глобальный порядок, деглобализация, правящий класс, историческая субъектность.

Источники финансирования:

исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00427, <https://rscf.ru/project/23-18-00427/>

UDC 323.3+37.035.4

DOI 10.17506/18179568_2023_20_2_52

WE WILL DO WITHOUT A MISSION. WHY IS THE POST-SOVIET NOMENCLATURE UNABLE TO DEVELOP A NATIONAL IDEOLOGY?

Leonid G. Fishman,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
lfishman@yandex.ru

Received 24.04.2023.

Revised 24.05.2023.

Accepted 07.06.2023.

For citation: Fishman, L.G. (2023). We Will Do Without a Mission. Why Is the Post-Soviet Nomenclature Unable to Develop a National Ideology?. *Discourse-P*, 20(2), 52–67. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_2_52

Abstract

The article addresses the question of why despite the existing internal and external prerequisites, Russia has not developed in recent years a national ideology, nor at least a clear ideological certainty in historical agency in terms of universally valid values. The author argues that first and foremost the acquisition of historical agency depends on the nature of the ruling classes. It is shown that the modern Russian ruling class, combining features of bureaucracy, bourgeoisie, and the Soviet nomenclature, by virtue of its origin, is initially focused on imitating imported canons and standards in various areas of public life, culture, technology, etc. Creativity in the field of ideology for it, just as for the majority of national ruling classes of the modern era, is the exception rather than the rule. This is also facilitated by the objective qualitative convergence of the ruling elites around the world, caused by the processes of modernization and globalization. Also, due to the dominance of virtue ethics in Soviet and post-Soviet society, the ruling class and civil society understand the language of values more clearly than ideology. Therefore, for the current generation of the Russian ruling elite, there is no need to put forward any fundamental alternative to Western ideologemes. Its rebellion against the global order is ideologically no less secondary than the color revolutions. In these circumstances, a wait-and-see attitude is reasonable for the Russian ruling class until the new world order suitable to fit in evolves naturally.

Keywords:

ideology, values, global order, deglobalization, ruling class, historical agency.

Funding:

the study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 23-18-00427, <https://rscf.ru/project/23-18-00427/>

Введение

Цель данного исследования – поиск ответа на вопрос, почему в России на протяжении последних лет не сложилось национальной идеологии, несмотря на то что представители российского правящего класса, а также изрядной части гражданского общества и научных кругов много говорили о ее необходимости. С этой (разделяемой многими) точки зрения ответ на вызовы, перед лицом которых оказалось сейчас российское общество, требует от него обретения мировоззренческой определенности и исторической субъектности. В условиях распада современной версии глобального мира от страны, которая своими действиями вольно или невольно подстегнула данный процесс, следует ожидать хотя бы общего понимания, ради чего это делается и что предлагается взамен. Однако этого не происходит и сейчас, когда, казалось бы, активизации попыток выработки национальной идеологии способствует внешнеполитическая ситуация обострения конфронтации с Западом. Предваряя ответ на по-

ставленный вопрос, уточним, что в буквальном смысле ожидать исторической субъектности от России или ее общества затруднительно. Под исторической субъектностью мы здесь понимаем способность субъекта влиять на ход общественного развития, т. к. он – субъект – не только владеет исторической ситуацией, но и знает методы эффективного преобразования действительности, что означает выработку новых целей и смыслов, определяющих характер этапа мировой истории. Иными словами, в качестве исторических субъектов не могут выступать Россия или общество, поскольку в отличие от элит они не принимают непосредственно судьбоносных политических решений и не формулируют становящихся принятыми на официальном уровне идеологических установок.

Разумеется, мы не собираемся отрицать, что при выработке политической линии огромное влияние имеют объективные экономические и политические факторы, международная обстановка и т. д. Однако было бы удивительно отрицать, что в одной и той обстановке социальные субъекты с различным классовым, культурным, идейным бэкграундом принимают разные решения, особенно если это решения идеологического характера. Поэтому мы будем исходить из того, что осмыслить перспективы формирования исторической субъектности можно, в первую очередь, относительно не общества в целом, а правящих элит, установки которых в данном случае являются определяющими. Иными словами, пытаюсь ответить на поставленный вопрос, мы должны исходить из природы российского правящего класса. Тогда станет возможным объяснить, почему этот правящий класс к формированию национальной идеологии как четкой системы общезначимых ориентиров и целей побуждают в основном факторы внешнего давления, а также почему постановку вопроса об идеологии он склонен замещать постановкой вопроса о «традиционных ценностях» и другими паллиативными мерами. С нашей точки зрения, наиболее адекватным является описание постсоветского правящего класса в первую очередь как номенклатуры, классовая специфика которой в определяющей степени обуславливает характер ее ответов на вызовы современности.

Номенклатура и идеология

В парадигме современных наук об обществе российский правящий класс (как, впрочем, и многие другие российские реалии) рассматривается как отклонение от классической бюрократии или буржуазии. Кроме того, используются сословные метафоры феодальной аристократии или служилого дворянства. Наконец, этот же класс описывается и как наследник советской номенклатуры – постсоветская номенклатура. Мы не будем подробно останавливаться на данных подходах к описанию современного российского правящего класса в силу того, что вопрос заслуживает отдельного исследования, которое в данный момент не входит в наши задачи. Тем не менее мы должны указать, что когда правящий класс России описывается как буржуазный, отправным пунктом является тезис о «реставрации капитализма» в России (см., например: Кагарлицкий, 2009). Однако этот капитализм олигархический (Канарш 2016, с. 75), отягощенный институтами власти-собственности, рудиментами социалистического прошлого (Вольчик, 2009, с. 174), корпоративный (Черных,

2021, с. 10–11), кумовской, семейно-клановой и т. д. Правящий класс часто описывается как бюрократия, чьи интересы осознанно противопоставляются интересам общества¹. Бюрократия эта «не-классическая», потому что в разных формах переплелась с буржуазией (Левинсон, 2015, с. 50), владеет одновременно и властью, и собственностью². «Владельческое положение» этого класса позволяет описывать его даже не как класс, а как сословие. Следует заметить, что во вполне «буржуазную» психологию вписывается стремление определенной части государственных служащих позиционировать себя как неодворянство, нефеодалов, пусть даже они пока не могут пользоваться благами формализованного принципа наследования³. Российский правящий класс с равным успехом можно описывать и как интегрировавшуюся в бюрократический аппарат буржуазию, и как «обуржуазившуюся бюрократию» (Акинин, Шевелев, 2012, с. 71–72).

Словом, в рамках отмеченных выше подходов российский правящий класс рассматривается в русле западного обществоведческого мейнстрима. Однако в этом случае он предстает классом «неправильным», отклонением от «нормы», и поэтому не может служить основой для *самоописания*. Есть основания считать, что *объективно российская правящая элита обладает рядом черт буржуазии и бюрократии*, но, по крайней мере, нам неизвестны сколь-нибудь значимые примеры самоописания ее представителей в качестве таковых. Наконец, ни существующие в обыденном сознании образы бюрократии, ни такие же образы буржуазии не пригодны для создания героического имиджа правящего класса во времена глобальных потрясений. Требуется извлечь из истории более подходящий образ. С этой точки зрения парадигма, в которой российский правящий класс рассматривается как наследник или аналог советской номенклатуры (см., например: Мохов, 2005; Нисневич, 2015), имеет для него потенциально большую привлекательность, поскольку данный класс выглядит как обладающий гораздо большей степенью национальной идентичности, чем бюрократия или буржуазия. Косвенно это подтверждается периодическими апелляциями представителей правящего класса к советской символике и истории, которые, как известно, ассоциируются не с бюрократией, и тем более не с буржуазией. Если российский правящий класс в обозримом будущем попытается достигнуть большего влияния на судьбы мира, чем то, которым он довольствовался до сих пор, то для него будет закономерно при- мерить на себя (пусть и в виде фарса) скорее гимнастерку номенклатурного

¹ Бюрократия и власть в новой России: позиции населения и оценки экспертов (аналитический доклад, подготовленный в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации) (2005). *Институт социологии ФНИСЦ РАН*. Взято 18 апреля 2023, с https://www.isras.ru/analytical_report_bureaucracy_11.html

² Третьяков, В. (2010). Класс господ и владельцев. *ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия*. Взято 18 апреля 2023, с http://www.intelros.ru/pdf/Rus_Jornal/50/11.pdf

³ Иноземцев, В. (2018, 4 июня). Аристократы или феодалы? Какой правящий класс формируется в современной России. *Мировой кризис – хроника и комментарии*. Взято 18 апреля 2023, с <http://worldcrisis.ru/crisis/3066358>

работника сталинского периода, чем буржуйский цилиндр. Поэтому в дальнейшем мы будем рассматривать российский правящий класс в том свете, который, как нам представляется, ему самому наиболее выгоден с точки зрения имиджа – преимущественно как наследника советской номенклатуры. Но, как мы постараемся показать, эта преемственность влечет не только выгоды, но и существенные ограничения.

Специфика номенклатуры как правящего класса заключается в том, что она изначально формировалась как обслуживающая нужды советского государства профессиональная группа, как функциональный аналог веберовской рациональной бюрократии, но с претензией быть чем-то большим в силу индоктринированности и причастности к великой преобразующей мир миссии. При этом номенклатура не была ни монополистом миссии, ни вырабатывала сама ее понимание в каждый конкретный исторический момент. Ее претензии были жестко ограничены наличием внешнего «редактора» в лице Сталина и партии, которая с номенклатурой пересекалась, но отнюдь не полностью совпадала. Партия была инструментом «диктатуры пролетариата», потом власти всех трудящихся, у нее была великая цель, однако все это были области смыслов, по отношению к которым номенклатура играла важную, но не самостоятельную роль. Иными словами, она конституировалась как класс, которому привычно «иметь отношение» к некоей миссии и исторической субъектности, но не быть самой производителем мировоззренческих смыслов и историческим субъектом. А. Юрчак не без оснований считает, что когда Сталина не стало, сама номенклатура оказалась способной только вырабатывать идеологические и символические каноны (эталоны), которые опирались на прежнее идейное и символическое наследие (Юрчак, 2014, с. 154).

Отсюда вытекает двойственное отношение номенклатуры к идеологии. С одной стороны, она относится с опаской и скептически (здесь сказывается как память о сталинских временах с их жестким идеологическим контролем, так и наследие времен крушения советского строя, когда к идеологии относились резко критически, что отразилось и в Конституции РФ). С другой стороны, ориентируясь на внешние каноны и эталоны, она признает идеологию в овеществленной форме, т. е. в уже реализованном кем-то виде (Павловский, 2019). Но в любом случае и сама идеология выступает как нечто внешнее, и идеологические авторитеты, к которым обращаются по мере надобности, также привлекаются извне. В. С. Мартьянов, анализируя дискурс высших представителей российского правящего класса, замечает по этому поводу: «...российским элитам свойствен соблазн великодержавной и националистической риторики, связанный с обманчивой легкостью апологии «своего пути» России. В то же время остается неясным, почему для обоснования подобной позиции выбираются либо эмигранты, либо диссиденты, либо зарубежные интеллектуалы, которые наблюдали и наблюдают Россию как раз издали и «извне», не будучи включены в реальные политические процессы» (Мартьянов, 2012, с. 125). Однако эта ситуация всего лишь отражает потребность во внешнем каноне, которая сохранилась и у постсоветской бюрократии. Она вполне естественно приняла стратегию его заимствования за рубежом – в виде либеральной идеологии, культуры, образцов построения социальных и политических инсти-

тутов. Эта тема постоянно педалируется, когда вспоминают 1990-е и отчасти 2000-е гг. с засильем либеральных идеологов, фонда Сороса, заимствованием всего и вся, неолиберальной оптимизацией и пр. Нельзя поэтому сказать, что отечественные социально-политические практики в 1990-е гг. сводились к простой имитации западных, т. е. к воспроизведению одной формы без содержания. Правящий класс отчасти действительно воспроизводил их в той мере, в которой они не мешали ему в осуществлении господства. Потребность в такого рода заимствованиях вполне отвечает природе номенклатуры, по крайней мере до тех пор, пока это не приходит в противоречие с ее более базовыми потребностями.

Постсоветская номенклатура неохотно рвет с Западом, пытаясь тем самым обрести «российскую субъектность» не только потому, что ей не достает «пассионарности», «длинной» политической воли и куража (Гаман-Голутвина, 2012, с. 52). И не только потому, что у нее на Западе зачастую дети, недвижимость и счета в банках. Не менее важной причиной является то, что до сих пор Запад был ей нужен как основной внешний источник идеологических канонов и разного рода эталонных практик⁴. С этой точки зрения некогда популярный концепт «суверенная демократия»⁵ означал одно: мы готовы и дальше заимствовать ваши каноны, но своими делами будем управлять сами. Подстройка под внешний канон и эталоны для номенклатуры в ее бюрократической ипостаси очень комфортна, потому что перекалывает ответственность на внешнего субъекта. Происходит отсылка к своего рода авторитетному «белому» колониатору, стремление подражать ему, чтобы войти в лоно цивилизованного мира и т. д. Кроме того, конкретно для постсоветской номенклатуры, как и для восточноевропейской, ориентация на западный либеральный канон была следствием утвердившегося ощущения, что у нас «ненормальное» общество, государство, отношения и пр., тогда как следует перейти к «нормальным». Быстрое принятие (пусть и имитационное) этих канонов – следствие общих, не только номенклатурных, ожиданий «нормальности». Бюрократия таким образом обретает важнейший источник легитимности как проводник модернизации (поэтому неверно, что бюрократия – тормоз перемен). Опора на внешний эталон становится одним из любимых приемов обосновать непопулярные меры, оправданием укрепления контроля над гражданами: ведь на «Западе», среди многочисленных «мировых практик», всегда можно найти нечто аналогичное.

⁴ Теоретически альтернативный Западу источник канонов и эталонов можно искать на Востоке, условно говоря, в Китае. Но в таком качестве последний представляется пока ощутимо менее привлекательным, чем Запад. Китай при своем экономическом гигантизме в области идеологии выглядит значительно скромнее. Вероятно, потому что там тоже правит номенклатура, которая сама не прочь заимствовать чужие каноны и эталоны, а также поскольку Китай, при всех капиталистических успехах, официально продолжает идти по пути строительства социализма. Социализм же для российского правящего класса – то, от чего он всеми силами дистанцировался в эпоху, когда шел к успеху в перестроечные и ельцинские времена.

⁵ Что на самом деле есть, как точно заметил Г. Дерлугьян, «суверенная бюрократия» (Дерлугьян, 2013, с. 205–206).

Какому бы канону, пусть и сверхлиберальному, номенклатура не следовала, она остается бюрократией. Но бюрократия только себя считает венцом рациональности и разумности, и все отклонения в лучшем случае считает неразумием, в худшем – экстремизмом. Парадоксально, что в этом ей способствует в том числе и либеральный канон, который в своей основе также исходит из постулирования принадлежащей либеральному «центризму» идеологической нормы, а другие области политического спектра расценивает как более или менее чреватые опасностью отклонения. В рамках исходно либерального антиэкстремистского дискурса, позиционирующего себя как дискурс единственно «нормальных» отношений между государством и обществом, оказалось довольно легко подменять одни нормы другими (Фишман, 2016, с. 45). Поэтому в вопросе принятия защищающих ее власть ограничений номенклатура проявляет замечательную идеологическую всеядность, используя и вполне либеральные установки. Это ведет к созданию правового «Франкенштейна», скроенного из норм, аналоги которым без труда обнаруживаются в законодательстве образцовых европейских либеральных демократий, но который подобен им только внешне. Поэтому область «свободы» в обществе, управляемом номенклатурой, существует в промежутке между западным каноном и интересами почвеннической части номенклатуры и гражданского общества.

Само гражданское общество до выработки идеологии или канона номенклатура допускать не склонна. Однако это происходит не в последнюю очередь потому, что она полагает себя достаточно адекватным выразителем его (гражданского общества) интересов. Для этого есть некоторые основания: несмотря на то, что разрыв в богатстве и возможностях между верхушкой российского правящего класса и остальным населением чрезвычайно велик (настолько, что даже не самая богатая его часть в лице депутатов Госдумы и Совета Федерации недавно отказалась от опубликования деклараций о своих доходах), между ними (по крайней мере, если иметь в виду старшее поколение⁶) нет мировоззренческой пропасти. И те и другие родом из позднего СССР. Они изначально ориентированы на достижение в основном материалистических ценностей, т. е. высокого уровня жизни, строительство общества потребления. В области моральной их пределом является этика добродетели, ориентированная на достаточно узкий круг дружеских, семейных, корпоративных связей; этика принципов же, имеющая дело с более универсальными ценностями, далеко не так востребована (см. подробнее: Фишман, 2022). Равным образом эти поколения относятся с изрядным скептицизмом и к идеологии вообще, поскольку, в силу советского бэкграунда, она у них ассоциируется с формализмом и неискренностью. Те же из представителей данных поколений, кто в «неформальной» молодости искренне увлекался какой-нибудь реконструированной по книгам идеологией, приобрели разочаровывающий опыт (Шубин, 2006). Поэтому

⁶ Преимущественное внимание старшим поколениям здесь уделено потому, что они все еще определяют морально-политическое состояние нашего общества в силу сравнительно большей численности относительно более молодых поколений по причине известных демографических тенденций, равно как и потому, что их представители пока занимают ключевые посты в областях политики, экономики, культуры.

признаком личностной зрелости для этого поколения является сугубо прагматическое отношение к идеологии. Несколько иначе обстоит дело с ценностями, в том числе с поднимаемыми в последнее время на щит «традиционными». Именно потому, что в это понятие вкладывается довольно расплывчатое содержание, на уровне субъективного восприятия предлагаемые в качестве общественно значимых ценности могут восприниматься как созвучные составляющим основу этики добродетели. Партикулярные представления о дружбе, верности, чести, родстве можно с большим или меньшим успехом «натянуть» на российский социум, воображаемый как большая семья или корпорация. Если не пытаться чрезмерно придирчиво анализировать «традиционные ценности» на предмет социально-исторической обусловленности, то обращение к ним выглядит вполне приемлемым решением проблемы консолидации общества.

Правящий класс и остальное население имеют также общее мироощущение выживших, что отчасти совпадает с чувством успешности, исходя из того, что выжить в критический период нашей истории – это уже успех. Акцентируя внимание на внешних угрозах, правящий класс может рассчитывать на ценность выживания и вытекающую из нее солидарность выживших. Однако построенное на этом единство требуется подкреплять соответствующей социальной политикой, государственным патернализмом.

Поскольку ценности и цели у народа и российского правящего класса общие, ожидания последнего от общества во многом выражаются в том, чтобы к любым его действиям «относились с пониманием», ведь «у нас умный народ». Советские символы и советские смыслы в этой симфонии взаимного понимания имеют свое значение не в изначальном виде, а в плане ассоциации с социальной общностью, которая в ретроспективе представляется большой семьей, спаянной узлами корпоративной солидарности. Отсюда же вытекает повышенное внимание к семейным ценностям и проблематике разного рода секс-меньшинств и «неблагонамеренных феминисток», подрывающих базовую внутрисемейную солидарность. Риторика, направленная против ЛГБТ, и принимаемые на ее волне меры – легкий и эффективный способ подчеркнуть свою лояльность новейшей общности народа и правящего класса под эгидой объединяющей всех «нормальности». Идеологическая надстройка в таких условиях вторична. Она может быть какой угодно – навязанной сверху или извне, такой, какая в настоящий момент нравится патрону, например, американскому в лице правящих сегодня демократов, или патронам завтрашних республиканских, или послезавтрашних китайских, ожиданиям которых также надо соответствовать.

В связи со сказанным выше может возникнуть впечатление, что склонность нашего правящего класса заимствовать извне каноны и эталоны является чем-то однозначно негативным. В действительности, ни для правящего класса, ни для общества в целом в этом нет ни большой беды, ни чего-то невероятного. Отнюдь не каждый класс любой национальной общности и в любую эпоху действительно нуждается в выработке своей идеологии и сугубо самобытных институтов и практик. Особенно это верно касательно идеологии с мироустроительными претензиями, которая вообще является редким феноменом. По крайней мере, опыт великих революций свидетельствует о том, что будучи выработанной один раз в одной-двух странах, она затем усваивается и копируется другими

государствами. Так, если ранние буржуазные революции обладают значительным национальным своеобразием, то последнее уже менее свойственно, например, европейским буржуазным революциям середины XIX в., и еще менее так называемым цветным революциям начала текущего столетия. Имея перед собой образец успешного развития, революционеры зачастую склонны к его копированию, начиная с лозунгов и заканчивая институтами. В странах же периферии и полупериферии капиталистической миросистемы склонность к копированию и заимствованию идеологий и институтов тем более сильна, что приводило, в частности, к нескольким волнам демократизации и модернизации. Революционеры и правящие классы этих стран, называть ли их буржуазией, бюрократией или номенклатурой, в силу культурных и бытовых причин часто предпочитали ввозить готовое, чем производить и изобретать свое.

Так или иначе, в России или на Западе правящие классы в области идеологии скорее склонны ориентироваться на внешние стандарты в деле революции или модернизации, чем вырабатывать свои. Номенклатуре, бюрократии, буржуазии следовать внешним канонам комфортно. При этом вовсе не обязательно их полностью реализовывать, можно и имитировать с разной степенью успешности⁷, лишь бы это не слишком раздражало гегемона капиталистической миросистемы в лице США. Такова российская постсоветская модель общественно-политического устройства, таковы же и восточноевропейские «демократии», различие между которыми заключается в том, что более «суверенные» из них, такие как Польша и Венгрия (Мадьяр, 2016), осуществляют свою имитацию канонов с более существенными отклонениями. Российский правящий класс сочетает в себе, так сказать, гены принципиально не склонных к идеологическим инновациям, но склонных к подражательству социальных групп (буржуазии, номенклатуры и бюрократии)⁸, поэтому и не может раскрыть свой творческий потенциал в области идеологии. Ему по-прежнему, несмотря ни на какие угодно внешние вызовы, необходимы образцы для подражания, имитации, рекомбинации элементов этих образцов, чтобы в любой удобный момент заявить, что мы делаем то, что делают все.

Проблема нашего правящего класса заключается в том, что ему приходится *пытаться имитировать* в идеологическом плане что-то выходящее за пределы подражания, потому что его бунт происходит под лозунгами глобального изменения миросистемы. К этому побуждает ситуация, в чем-то аналогичная той, в которой СССР оказался после Второй мировой войны, сделавшей его мировой державой. Так же и СВО, проводимая Российской

⁷ Тем более, что становится все труднее найти образцы их полной реализации в мире, в котором чем дальше, тем больше «портятся» и некогда образцовые либеральные демократии (Фишман, 2019).

⁸ При этом, продолжая метафору, гены номенклатуры являются доминирующими. Как минимум с начала 2000-х гг., по мере осуществления политики «равноудаления олигархов», «укрепления вертикали власти» и осуществления «диктатуры закона», равно как и сопутствующей этому трансформации политического режима, нет веских оснований считать, что в России правит буржуазия в классическом понимании этого слова, а ее инструментом служит веберовская рациональная бюрократия.

Федерацией на Украине, не будучи завершенной, уже привела к глобальным переменам. Возникает потребность идейно легитимировать бунт против бывших «уважаемых партнеров»⁹ перед своим населением, побудить его на подвиги и жертвы. Однако как раз тут российский правящий класс оказывается в ловушке вторичности. Бунт против мирового порядка оказывается не менее вторичен в идеологическом плане, чем цветные революции: он опирается на *либерально-консервативные* каноны *вчерашнего* дня. На идейном уровне квинтэссенция ответа нашей бюрократии отражена в новой Концепции внешней политики РФ¹⁰, которая сводится к констатации того, что на самом деле наша страна не желает никаких принципиальных изменений, а все ее претензии исключительно к поведению зарвавшихся западных партнеров (которые по-прежнему «не враги»). «Россия не считает себя врагом Запада, не изолируется от него, не имеет по отношению к нему враждебных намерений». Страны Запада должны осознать «бесперспективность своей конфронтационной политики и гегемонистских амбиций», принять «сложные реалии многополярного мира», вернуться со временем к «прагматичному взаимодействию с Россией, руководствуясь принципами суверенного равенства и уважения интересов». Показательно, что неоднократно говорится о желательности мирового порядка, установленного на «принципе верховенства права». Словом, несмотря на совершающиеся перемены, склонность ориентироваться на некий канон куда не исчезает. Она подпитывается и тем, что, несмотря на всю видимую катастрофичность происходящих событий, в качественном смысле перелома пока нет. При всей риторике деглобализации речь идет о перестановке внутри существующего мирового порядка, но не об его изменении на принципиально иной основе. И даже если в действительности дело обстоит не совсем так, правящие элиты стран, все еще определяющих контуры мирового порядка (прежде всего Китай, США, ЕС) и легитимирующих их политику идеологии, ничего нового в этом отношении не выдвигают¹¹. Напротив, с их стороны идет речь о сохранении прежнего порядка, нарушителем которого выступает Россия. Как и в нашей стране, общественное сознание Запада одержимо прошлым, односторонне сосредоточено на «насилии, преступлениях и вине» (Ассман, 2013, с. 116).

Наконец, сегодня можно говорить о сближении природы правящих элит различных стран. В основе господствующего положения везде оказываются отношения властесобственности, смешение принципов меритократии и передачи

⁹ Поскольку, с точки зрения правящих кругов России, в управляемом Западом глобальном мире они как часть глобальной элиты не занимали положения, соответствующего их объективному значению, их пожелания не учитывались в достаточной степени, их озабоченность национальной безопасностью не воспринималась всерьез, и вообще по отношению к России постоянно применялись двойные стандарты.

¹⁰ Концепция внешней политики Российской Федерации (2023, 31 марта). *Министерство иностранных дел Российской Федерации*. Взято 18 апреля 2023, с <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>

¹¹ «Зеленая повестка» или политика продвижения интересов различных меньшинств на такую роль не годятся.

власти внутри семейных кланов, в то время как на поверхности политической жизни мы становимся свидетелями уже привычного столкновения олигархов и профессиональных политиков-популистов. Когда различия между частями глобального мира сглаживаются в отношении технологий, уровня жизни, социальной структуры, способов управления, политических режимов, характера элит, это означает, что объективно сближаются и области «нормального». При всех признаках происходящей деглобализации, она парадоксальным образом не означает деуниверсализации, напротив, является следствием сближения образов жизни, технологического уровня, бытовых стандартов, политических режимов, ценностей и установок правящих классов.

По всем перечисленным выше причинам и для нынешнего поколения российской правящей элиты не стоит вопрос о выдвигании какой-то принципиальной альтернативы западным идеологемам; в основном речь идет об оппонировании некоторым из них, по разным причинам особо неприемлемым. В текущей ситуации советская риторика и символика нужны исключительно для симуляции наличия альтернативной мироустроительной идеи, которая на самом деле присутствует только в виде смутных ассоциаций. Поэтому в области идеологии преобладают акценты на внешней угрозе, на отклонениях от современной западной морально-политической повестки в сторону западной же, но вчерашней. Можно сказать, что мы имеем дело со становлением своего рода диверсифицированной парадигмы модернизации, которая отсылает оппонентов правящего класса из гражданского общества к неким подобранным *ad hoc* универсальным образцам. Только эти образцы теперь необязательно западные и современные. Возможно и подражание стандартам восточным (вроде условного Китая и, в еще большей степени, менее масштабных площадок экспериментов вроде Южной Кореи, Сингапура или Гонконга), и выработка своих под видом универсальных, и заимствование из прошлого Запада. Давно предсказанный «конец идеологий», или «конец истории», похоже, будет нелиберальным.

Заключение

Главный исторический вызов, который стоит перед нашим правящим классом, заключается в том, что ему, вне зависимости от желаний, придется играть одну из ролей в наступающей глобальной трансформации, исход которой по большому счету от России зависит не в определяющей степени. Ситуация в области идеологии отражает ее объективное положение на мировой арене. В нынешнем состоянии она не способна определить будущее лицо мира позитивным образом, но может оказаться камнем, положенным на ту или другую чашу весов. Поэтому для российского правящего класса объективно естественна выжидательная позиция, пока новый мировой порядок, в который можно будет успешно интегрироваться, не сложится сам собой.

В то же время проводимая российским правящим классом внешняя политика и вызванная ею необходимость идеологического противостояния коллективному Западу, а также объяснения гражданам Российской Федерации предпринимаемых мер во внутренней политике резко актуализируют вопрос

о необходимости выработки национальной идеологии. В этих условиях проявляется номенклатурная природа российского правящего класса, существенной частью которой являются одновременный страх перед навязыванием идеологии, унаследованный из советского прошлого, и понимание ее необходимости при склонности к заимствованию канонов и эталонов извне. Поэтому его противостояние существующему глобальному порядку оказывается так же вторично в идеологическом плане, как и цветные революции, поскольку опирается на либерально-консервативные каноны вчерашнего дня, т. е. либерализм и консерватизм первой половины XX в., еще не обремененный современной леволиберальной интерсекционалистской повесткой. Консервирует ситуацию в области идеологии и то, что между правящим классом и большей частью общества нет значимой мировоззренческой пропасти. По крайней мере, поколения, значимая часть жизненного пути которых пришлась на советский период, скептически относятся к идеологии вообще, поскольку она ассоциируется у них с формализмом и неискренностью. Одновременно, в силу доминирования в советском и постсоветском обществе этики добродетели, и правящему классу, и гражданскому обществу более понятен язык «традиционных ценностей», чем идеологии, что и проявляется в соответствующей риторике и содержании принимаемых официальных документов.

Список литературы

1. Акинин, А. А., Шевелев, А. А. (2012). К вопросу о природе государства и правящего класса в современной России: ответ «Эксперту». *Философия хозяйства*, (6), 61–77.
2. Ассман, А. (2013). *Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна*. М.: Новое литературное обозрение.
3. Вольчик, В. В. (2009). Эволюция российского института власти-собственности. *Политическая концептология*, (1), 154–178.
4. Гаман-Голутвина, О. В. (2012). Метафизические измерения трансформаций российских элит. *Политическая концептология*, (3), 38–53
5. Дерлугьян, Г. (2013). *Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы*. М.: Издательство Института Гайдара.
6. Кагарлицкий, Б. Ю. (2009). *Периферийная империя: циклы русской истории*. М.: Алгоритм: Эксмо.
7. Канарш, Г. Ю. (2016). Современный российский капитализм: социологический, политико-экономический и антропологический аспекты. *Знание. Понимание. Умение*, (4), 70–85. <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2016.4.5>
8. Кордонский, С. Г. (2008). Словная структура постсоветской России (часть 2). *Мир России*, (4), 3–36.
9. Левинсон, А. Г. (2015). Капитализм и социализм как миф и легенда. *Общественные науки и современность*, (1), 37–51.
10. Мадьяр, Б. (2016). *Анатомия посткоммунистического мафиозного государства: на примере Венгрии*. М.: Новое литературное обозрение.
11. Мартьянов, В. С. (2012). Дискурс цитирования в риторике российских

элит. *Политическая лингвистика*, (1), 120–126.

12. Мохов, В. П. (2005). Номенклатура как политический институт в истории советского общества второй половины XX века. *Научно-практический журнал Северо-Западной академии государственной службы*, (1), 94–111.

13. Нисневич, Ю. А. (2015). *Регенерация номенклатуры как правящего социального слоя*. М.: Издательский дом ВШЭ.

14. Павловский, Г. О. (2019). *Ироническая империя. Риск, шанс и догмы Системы РФ*. М.: Европа.

15. Фишман, Л. Г. (2016). Антиэкстремистский дискурс – взбесившийся либерализм? *Свободная мысль*, (4), 39–48.

16. Фишман, Л. Г. (2019). Бумеранг возвращается? *Свободная мысль*, (1), 15–23.

17. Фишман, Л. Г. (2022). *Эпоха добродетелей: после советской морали*. М.: Новое литературное обозрение.

18. Черных, С. (2021). Государственный капитализм в России: теория, практика и современные тенденции. *Общество и экономика*, (2), 5–17. <https://doi.org/10.31857/s020736760013633-5>

19. Шубин, А. В. (2006). *Преданная демократия. СССР и неформалы (1986–1989)*. М.: Европа.

20. Юрчак, А. (2014). *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. М.: Новое литературное обозрение.

References

1. Akinin, A. A., & Shevelev, A. A. (2012). К вопросу о природе государства и правящего класса в современной России: ответ “Е’ксперту” [On the nature of the state and the ruling class in contemporary Russia: Institutional analysis]. *Filosofiya hozyajstva*, (6), 61–77.

2. Assman, A. (2013). *Raspalas’ svyaz’ vremen? Vzlet i padenie temporal’nogo rezhima Moderna* [Is time out of joint? On the rise and fall of the modern time regime]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

3. Chernyh, S. (2021). Gosudarstvennyj kapitalizm v Rossii: teoriya, praktika i sovremennye tendencii [State capitalism in Russia: Theory, practice and modern trends]. *Obshchestvo i ekonomika*, (2), 5–17. <https://doi.org/10.31857/s020736760013633-5>

4. Derluguian, G. (2013). *Kak ustroen etot mir. Nabroski na makrosociologicheskie temy* [How this world works. Sketches on macrosociological topics]. Moscow: Izdatel’stvo Instituta Gajdara.

5. Fishman, L. G. (2016). Antiekstremistskij diskurs – vzbesivshijsya liberalizm? [An anti-extremism discourse – the enraged liberalism?]. *Svobodnaya mysl’*, (4), 39–48.

6. Fishman, L. G. (2019). Бумеранг возвращается? [Boomerang comes around?]. *Svobodnaya mysl’*, (1), 15–23.

7. Fishman, L. G. (2022). *Эпоха добродетелей: после советской морали* [The age of virtue: After Soviet morality]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

8. Gaman-Golutvina, O. V. (2012). Metafizicheskie izmereniya transformacij rossijskih elit [Metaphysical dimensions of elite transformations in Russia]. *Politicheskaya konceptologiya*, (3), 38–53.
9. Kagarlitsky, B. Yu. (2009). *Periferijnaya imperiya: cikly russkoj istorii*. [Peripheral empire: Cycles of Russian history.] Moscow: Algoritm & Eksmo.
10. Kanarsh, G. Yu. (2016). Sovremennyj rossijskij kapitalizm: sociologicheskij, politiko-ekonomicheskij i antropologicheskij aspekty [Contemporary Russian capitalism: Sociological, political-economic and anthropological aspects] *Znanie. Ponimanie. Umenie*, (4), 70–85. <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2016.4.5>
11. Kordonsky, S. G. (2008). Soslovnaya struktura postsovetskoj Rossii (chast' 2) [Estate Structure of Post-Soviet Russia (part 2)]. *Mir Rossii*, (4), 3–36.
12. Levinson, A. G. (2015). Kapitalizm i socializm kak mif i legenda [Capitalism and socialism as myth and legend]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, (1), 37–51.
13. Magyar, B. (2016). *Anatomiya postkommunisticheskogo mafioznogo gosudarstva: Na primere Vengrii* [The anatomy of post-communist mafia state: The case of Hungary]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
14. Martyanov, V. S. (2012). Diskurs citirovaniya v ritorike rossijskih elit [Rhetoric of Russian elites: The citing discourse]. *Politicheskaya lingvistika*, (1), 120–126.
15. Mokhov, V. P. (2005). Nomenklatura kak politicheskij institut v istorii sovetskogo obshchestva vtoroj poloviny HKH veka [Nomenklatura as a political institution in the history of Soviet society in the second half of the 20th century]. *Nauchno-prakticheskij zhurnal Severo-Zapadnoj akademii gosudarstvennoj sluzhby*, (1), 94–111.
16. Nisnevich, Yu. A. (2015). *Regeneraciya nomenklatury kak pravyashchego social'nogo sloya* [Regeneration of the nomenclature as a ruling social stratum in the post-Soviet Russia]. Moscow: Izdatel'skij dom VShE'.
17. Pavlovsky, G. O. (2019). *Ironicheskaya imperiya. Risk, shans i dogmy sistemy RF* [The ironic empire. Risk, chance and dogma of the Russian system]. Moscow: Evropa.
18. Shubin, A. V. (2006). *Predannaya demokratiya. SSSR i neformaly (1986–1989)* [Betrayed democracy. The USSR and the informals (1986–1989)]. Moscow: Evropa.
19. Volchik, V. V. (2009). Evolyuciya rossijskogo instituta vlasti-sobstvennosti [Evolution of the Russian power-property institution]. *Politicheskaya konceptologiya*, (1), 154–178.
20. Yurchak, A. (2014). *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'*. *Poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything was forever, until it was no more: The last Soviet generation]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Информация об авторе

Леонид Гершевич Фишман, доктор политических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5062-8291>, e-mail: lfishman@yandex.ru

Information about the author

Leonid Gershevich Fishman, Doctor of Political Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5062-8291>, e-mail: lfishman@yandex.ru
